

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Ринго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ВАЛЕРИЙ ВРУБЛЕВСКИЙ

Генерал Парижской Коммуны

(1836–1908)

Другим выдающимся генералом Парижской Коммуны 1871 г., горячо преданным делу народной свободы, был Валерий Врублевский — в прошлом также видный деятель демократического крыла польского национально-освободительного движения, а после падения Коммуны представитель польского пролетариата в I Интернационале.

Валерий Врублевский родился 5 декабря 1836 г. в местечке Жолудек, Лидского уезда, Виленской губернии. Родители его были мелкими шляхтичами, собственниками имения Явор, Слонимского уезда. Образование Валерий Врублевский получил в Виленском шляхетском институте. Это было сословное учреждение, предназначенное только для шляхтичей. После разгрома польского ноябрьского восстания 1831 г. царские власти стремились руссифицировать польскую молодёжь. Поляков преследовали за чтение польских книг, за польскую речь. В институте, в котором учился Врублевский, также старались вытравить национальный дух, однако Врублевский сформировался патриотом, горячо преданным своему народу и его культуре.

Никакие ухищрения царского самодержавия не могли помешать росту революционных настроений польской молодёжи и её протесту против руссификаторской политики царизма. К числу жертв реакционной шовинистической политики царизма принадлежал дядя Валерия—Евстахий

Врублевский, студент Киевского университета, единственный в то время высшего учебного заведения России, которое было ещё доступно для польской молодёжи. Это было в то время, когда в Киеве возникла тайная революционно-демократическая организация, так называемое «братство Кирилла и Мефодия», к которому принадлежало много поляков, в том числе Евстахий Врублевский. Организация была раскрыта царскими властями, участники понесли суровое наказание. Евстахий Врублевский был сослан в Сибирь на восемь лет. В виленском доме Евстахия (где он поселился по возвращении из ссылки) молодой племянник его Валерий сблизился с выдающимися представителями передовых слоёв виленского общества, в том числе с Людвигом Сырокомлей-Кондратовичем и с Зигмундом Сераковским.

Высшее образование Валерий Врублевский получил в петербургском Лесном институте. Революционный протест против самодержавия, против реакции охватил не только польскую, но и русскую молодёжь, учившуюся в военных академиях, Университете, Лесном, Технологическом институтах и других учебных заведениях Петербурга. Возникли связи с Лондоном, где Александр Герцен издавал «Колокол» и «Полярную звезду». Студенты с увлечением читали «Современник» Чернышевского. В Петербурге Юзефат Огрызко начал издавать польскую газету «Слово». Зигмунд Сераковский, в прошлом — капитан Генерального штаба, ещё недавно бывший политическим ссыльным, создал в среде польской молодёжи кружок самообразования, вскоре превратившийся в тайный революционный кружок. Ещё более способствовали подъёму революционных настроений среди польской молодёжи события в Европе — национально-освободительное движение в Италии.

В 1861 г. по окончании Лесного института Врублевский был назначен инспектором лесной школы в Соколках (на полпути из Белостока в Гродно). Для польских революционеров, готовившихся к восстанию против царизма (к их числу в эти годы уже принадлежал В. Врублевский), крайне важно было иметь своих людей на железнодорожном направлении, которое вело из Варшавы в Петербург, так как именно здесь можно было в случае восстания помешать царским властям двинуть войска на усмирение поляков. Важной и нелёгкой задачей для польских револю-

ционеров, действовавших в этих местах, было связаться с массой белорусского населения и увлечь его своей антиправительственной пропагандой. Эта попытка сближения поляков с белорусами осуществлялась издавна. Поляки в Гродно, Вильно, Минске, Витебске усердно изучали белорусский язык и писали на нём революционные произведения, посвящённые жизни простого народа. Артемий Вериго перевёл на белорусский язык «Пана Тадеуша» Мицкевича. На белорусском языке писали стихи поэты Марцинкевич и Л. Сырокомля-Кондратович. Среди таких народных поэтов, одевавшихся по-крестьянски и «шедших в народ», в Белоруссии играл большую роль Константин (Кастусь) Калиновский — юрист, закончивший Петербургский университет, сделавшийся сельским учителем и издававший на белорусском языке «Мужицкую правду». Бронислав Шварце издал «Гутарки (беседы) двух соседей» (или «Гутарки старого деда»).

Антиправительственная пропаганда встречала сочувственный отклик в Гродненской губернии, особенно в Соколках, где находился Валерий Врублевский. Врублевский энергично взялся за пропагандистскую работу, финансировал «Гутарки», сам их возил и распространял. Впоследствии выяснилось, насколько значительна была роль таких людей, как Врублевский: они сумели заблаговременно завербовать сообщников из среды местных крестьян, которые помогали повстанцам в боях, снабжали их провизией, были проводниками в лесах.

Во время восстания 1863 г. Врублевский проявил себя как опытный руководитель в борьбе с царизмом, как демократ, преданный народному делу.

Восстание в Гродненской губернии и в Литве возникло на три месяца позже, чем в Польше, где борьба во всех воеводствах началась уже с января.

Большинство повстанцев состояло из местной шляхты; много было среди них и крестьян. Однако повстанческие дружины были малочисленны, плохо вооружены и действовали разрозненно.

Ленин придавал большое значение революционной деятельности польской шляхты, сыгравшей большую роль во время восстания 1863 г. «Пока народные массы России и большинства славянских стран, — писал Ленин, — спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических

движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской»¹.

Первый бой повстанцев с правительственными войсками произошёл под Валилой в лесной глуши. Бой длился час, но ввиду превосходящих сил противника отряд повстанцев вынужден был отступить с большими потерями. В руки неприятеля попали телеги с провизией и деньгами. Скоро отряд, однако, пополнился новыми добровольцами. 8 июня снова произошёл бой. Командовал отрядом Врублевский. Две роты он расположил на густо поросшем зелёною берегу, а на другом поставил роту «косиньеров» (вооружённых косами). Огонь правительственных войск был так силён, что повстанцам пришлось отойти. Тогда Врублевский двинул в атаку «косиньеров». Три раза царские войска захватывали позиции повстанцев, но всякий раз вынуждены были оставлять их и укрываться в лесу. Несколько дней спустя произошло новое столкновение недалеко от Серадовой, под Бирками. Правительственные войска на этот раз были сильнее, и Врублевскому пришлось уйти в лес. Тогда он создал несколько маленьких групп, человек по 30—40, и разместил их по уездам, предложив им пополнять свой состав добровольцами, собирать запасы провизии и производить разведку...

В августе положение повстанцев ухудшилось. Виленским губернатором стал пресловутый «Муравьёв-вешатель», неумолимый враг повстанцев. Многие вожди восстания (Зигмунд Сераковский, Топор-Зверздовский) были арестованы и казнены.

Отряд Врублевского испытывал большую нужду в оружии и боеприпасах. В сентябре Врублевский под вымышленным именем добрался до Варшавы. Здесь в расчёте на помощь французов было принято решение держаться до весны.

Врублевский считал своим долгом не покидать вверенного ему поста. Он вернулся к своему отряду. Однако теперь оставаться в Гродненской губернии было невозможно, и поздней осенью 1863 г. Врублевский перешёл со своим отрядом Буг. Местное население помогало ему,

снабжало провизией. Крестьяне из Полесья, из которых власти сформировали стражу, обязанную доносить о повстанцах, вместо этого предупреждали их о приближении царских войск.

Так прошли ноябрь и декабрь 1863 г. В январе начались морозы. Повстанцы были изнурены до крайности. 19 января 1864 г. Врублевский перешёл Тьеменицу и под Ушимовым наткнулся на царские войска. Во время стычки Врублевский был дважды ранен: в голову и в плечо. Отряд его распался. Жители одного села спасли Врублевского, спрятав его в овине. Позже удалось перенести раненого в усадьбу арендатора Ксаверия Склодовского. Когда раны слегка затянулись, племянница арендатора Склодовская (сестра Владислава Склодовского и тётка впоследствии знаменитой учёной Марии Кюри-Склодовской) сама вывезла Врублевского в Галицию. Чтобы скрыть Врублевского, она одела его в женское платье и, выдавая за «экономку», везла в своей карете через всю Люблинскую губернию до австрийской границы. При этом не обошлось без разных приключений, но всё окончилось благополучно. Так, при предъявлении пропуска на границе одного уезда один из русских офицеров заинтересовался молодой и красивой «экономкой» и подъехал верхом на коне к карете. Но другому его товарищу эта «женщина» показалась подозрительной, и он стал задавать вопросы. К счастью, в этот момент подъехал старший офицер и сурово прикрикнул на него; затем, нагнувшись к Врублевскому, шепнул ему, чтобы он незаметно вытер струйку крови, показавшуюся из раны... Так и не узнал потом Врублевский, кому он обязан был тогда своим спасением.

В Галиции Врублевский некоторое время пролежал в повстанческом госпитале в имении графов Тарловских. Оттуда, окончательно залечив свои раны, он уехал в Париж.

В Париже он принял участие в деятельности левого, демократического крыла польских эмигрантов. С большими трудностями он добывал средства к жизни. Долго искал он работы, наконец, нужда заставила его сделаться фонарщиком. По вечерам он зажигал газовые фонари на парижских улицах, по утрам гасил их. Днём чистил фонари. В свободное время он ухитрялся изучать военное дело и посещал Школу генерального штаба.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 403.

С течением времени он изучил типографское дело. Врублевский стал работать на предприятиях Ружа, издававших также польские книги. Он зарабатывал попрежнему мало, плохо питался, жил в дешёвом номере второразрядной гостиницы. В Париже он стал жертвой эпидемии оспы, распространившейся по всей Европе, и остался жив только благодаря своему самообладанию и силе воли. Он отказался лечь в переполненные госпитали, где люди гибли в большом количестве, и стойко перенёс болезнь у себя в постели, питаясь только тёплым чаем.

Все эти годы Врублевский активно занимался общественной и политической деятельностью. В 1866 г. эмигранты создали «Демократическое объединение польской эмиграции». Стимулом к созданию объединения явилось начало австро-прусской (1866 г.) войны, зародившее в поляках надежду на то, что эти события могут благоприятно отразиться на положении Польши. В. Врублевский был избран в первый представительный Комитет «Демократического объединения».

В своих воззваниях 1868 и 1870 гг. Комитет заявлял, что его целью является восстановление единой, свободной и независимой Польши; но одними убеждениями ничего не сделаешь. Независимости Польши можно добиться «собственными силами, если черпать эти силы по принципу предоставления народу действительной свободы»¹. В воззваниях подчёркивалась необходимость общности интересов со славянскими народами, стонавшими под австрийским игом, и с Румынией, находившейся тогда на пути к освобождению; отмечалась особая важность сотрудничества с русским революционным освободительным движением.

Врублевский очень быстро завоевал симпатии товарищей по эмиграции своими демократическими убеждениями и благородным, великодушным характером. «Я — демократ по убеждению, по духу и по крови, по своему прошлому, по своей деятельности накануне восстания, — заявлял Врублевский. — Я не могу ни жить, ни умирать за иную Польшу, чем та... где господство человека над человеком уступит место торжеству свободы, разума и права, где невежество исчезнет перед яркими лучами всеобщего просвещения, а нужда — вследствие добросо-

вестного распределения общественных доходов. «Всё для народа и через народ». В этом лозунге заключён не только политический идеал нашей родины, но и средство для его осуществления. «Всё для народа» — это значит: свобода личности и коллектива, возникающая из права и возможностей развития всех своих способностей в области интеллектуальной и политической»¹. «Всё через народ» — означало, с точки зрения Врублевского, необходимость восстания народных масс против всякого насилия и рабства.

Основной целью политической деятельности революционера являлась, по словам Врублевского, революция масс, которая должна была, несмотря на всякого рода препятствия, стоявшие на пути её развития, привести к моральному и материальному благополучию народа. Искренний демократ, Врублевский не понимал классовой борьбы, составлявшей содержание современного ему буржуазного общества. Он не видел тех сил, на которые должны были опереться польские революционеры в своей борьбе за свободу и независимость Польши. В этом сказалась его ограниченность как буржуазного демократа.

Когда началась франко-прусская война и пала Вторая империя, «Демократическое объединение» обратилось к правительству Национальной обороны с предложением использовать его для защиты Парижа. Врублевский был одним из активнейших членов «Временной комиссии», которая от имени эмигрантов вела переговоры по этому вопросу с французским правительством. Но переговоры оказались безрезультатными, так как новое республиканское правительство Франции рассчитывало на поддержку царского правительства и ни в какой мере не желало поднимать польского вопроса. Генерал Трошиу согласился только на участие польских эмигрантов в Национальной гвардии, не разрешая им создавать самостоятельных боевых единиц; им позволялось служить в отдельных батальонах и ротах и носить при этом только французскую форму.

Врублевский вступил в Национальную гвардию в числе первых. Как и большинство поляков, Врублевский мужественно и дисциплинированно выполнял свои

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, Warszawa 1948, str. 20.

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 19.

обязанности национального гвардейца во время четырёх месяцев осады Парижа.

Только после революции 18 марта, сделавшись командиром войск Коммуны, он впервые обнаружил своё военное дарование.

28 апреля 1871 г. Кюзере в приказе военного министерства следующим образом распределил военные силы Коммуны и их командование: командование I армии, расположившейся между Сент-Уэном и Пуэн-дю-Журом, было поручено Ярославу Домбровскому; II армией коммунаров, занимавшей линию фронта от Пуэн-дю-Жура до Берси, командовал Валерий Врублевский. I-й корпус II армии охватывал форты Исси и Ванв. 2-й корпус охватывал форты Монруж и Бисетр. 3-й корпус занимал форт Иври и участок фронта, заключённый между Вильжюифом и Сеной. Штаб II армии (Врублевского) находился в Жантильи.

Высокую оценку деятельности Врублевского даёт историк Коммуны Луи Дюбрейль, писавший: «...Врублевский получил командование южными фортами... Врублевский, принадлежавший к той же национальности, как и (братя.— А. Л.) Домбровские, так же как и они, принимал участие в польском восстании и был знающим и храбрым офицером... Под начальством Врублевского находились Брюнель и Лисбонн, которых в иные часы заменяли Ла Сесилиа, Ветцель и даже Эд.

С этими новыми офицерами Национальная гвардия не подвергалась, по крайней мере, различным неожиданностям и авантюрам... Эти начальники умели предвидеть опасности, комбинировать силы, маневрировать»¹.

Начальник штаба Коммуны Россель отзывался о Врублевском, как о «старательном и дисциплинированном офицере». В тех случаях, когда Врублевский не мог устранить опасности, он самообладанием и твёрдостью духа прекрасно влиял на настроение солдат. В апреле Врублевского назначили генералом и начальником кавалерии на левом берегу Сены, а несколько позже — начальником южного участка на левом берегу, охраняемого фортами Исси, Ванв, Иври, Монруж. С небольшими силами, находившимися в его распоряжении, Врублевский совершал чудеса храбрости. Особенно отличился под его командо-

ванием упомянутые выше 187-й и 105-й батальоны, которые прославились своей отвагой и до последней минуты (25 мая) оставались на своих позициях в Бютт-о-Кейль!

В начале мая по приказу Феликса Пиа, члена Комитета общественного спасения, узнавшего о тяжёлом положении форта Исси и неудачно вмешавшегося в функции командования, Врублевский и Домбровский были направлены в Исси. Воспользовавшись отсутствием Врублевского, версальцы в ночь на 4 мая при содействии изменника Галльена (командира 55-го батальона, выдавшего версальцам пароль) неожиданно напали на не подготовленный к атаке редут Мулен-Сакэ и зверски истребили спавших там федератов.

Вызванный в Коммуну для объяснений Россель зачитал вслух рапорт Врублевского, подтверждавший этот факт: «Редут Мулен-Сакэ был сегодня ночью взят версальцами... У нас есть доказательства предательства командира 55-го батальона... Всё это произошло, когда я был в форте Исси по приказу Комитета общественного спасения.

Врублевский, 4 мая.

Феликс Пиа пытался отрицать свою вину: «Ни Комитет общественного спасения, ни я сам не подписывали никакого приказа гражданину Врублевскому отправиться в форт Исси». Но на другой день Арну сумел опровергнуть заявление Пиа, огласив приказ, под которым стояли подписи Лео Мелье, А. Арну и Феликса Пиа. Пиа всё ещё пытался оправдаться, но тщетно. Видя общее возмущение, Пиа заявил, что подаёт в отставку.

Спустя несколько дней версальцы повели наступление на соседний с Исси форт Ванв. Форт был некоторое время в опасности и даже временно очищен коммунарами. Но в 4 часа утра 11 мая Врублевский стал во главе 187-го и 105-го батальонов. Штыковой атакой батальоны заняли форт Ванв и выгнали оттуда версальцев, которые уже считали себя его хозяевами.

К середине мая состояние обороны Парижа настолько ухудшилось, что 15-го по решению военного делегата Коммуны Делеклюза был экстренно созван военный совет, на котором присутствовали Домбровский, Врублевский, Ла Сесилиа и ряд других командующих.

Домбровский, такой же энтузиаст, как и прежде, говорил о возможности поставить под ружьё 100 тысяч чело-

¹ Луи Дюбрейль, Коммуна 1871 года, стр. 126.

век. Врублевский, более практичный, предложил сосредоточить на южных траншеях силу, которая бесполезно теперь растрачивается в Нейи¹. На том же военном совете Брюнель сообщил о непослушании и дезорганизации в рядах его гарнизона.

Комитет общественного спасения решил принять энергичные меры. Он пришёл к заключению, что для спасения революции необходимо присоединить к военному элементу элемент гражданский, ссылаясь на опыт старых революционеров первой революции 1793 г., которые «прекрасно понимали значение этой меры, как единственно способной предохранить страну от опасности военной диктатуры, которая рано или поздно непременно приводит к восстановлению монархии»². Было решено назначить гражданскими комиссарами к Домбровскому — Дерера, к Ла Сесилиа — Жоаннара, к Врублевскому — Лео Мелье³.

Новое распределение военных сил Коммуны было таково: Домбровский остался в Нейи, во главе военных действий на правом берегу Сены; но в центре вместо Эда командование было предоставлено Ла Сесилиа, левое крыло фронта продолжал возглавлять Врублевский, а две резервные бригады были поручены — одна Эду, другая Бержере⁴.

18 мая на юге Парижа войска Врублевского успешно продвинулись на самом крайнем фланге и подняли красный флаг в селении Шуази-ле-Руа (южнее форта Иври).

После вступления версальцев в Париж армия Врублевского продолжала стойко обороняться, отходя лишь в случае крайней необходимости. 23 мая, когда версальцы с раннего утра окружили Монпарнасское кладбище и, захватив укрепление XIV округа, достигли площади Сен-Пьер, Врублевский преградил им дорогу. У площади Анфер версальцы остановились перед новыми укреплениями, выстроенными Врублевским. Получив накануне приказ очистить форты, он ответил: «Это измена или недоразумение! Я не очищу их никогда».

Когда версальцы взяли Монмартр, Врублевский стал убеждать Делеклюза перенести борьбу на левый берег

¹ См. Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 239.

² А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 445.

³ «Procès-verbaux de la Commune 1871», p. 412.

⁴ G. Laronze, Histoire de la Commune 1871, Paris 1928, p. 543.

Сены к Пантеону и фортам, а оттуда — в окрестности Парижа. Но гвардейцы упорно отказывались уйти из своих кварталов.

О силе воли, военном опыте и самообладании Врублевского в эти роковые минуты свидетельствует следующий рассказ Лиссагарэ: 23 мая (после падения Монмартра) Врублевский «возвратился на свою главную квартиру, собрал командиров фортов, сделал необходимые распоряжения для защиты и возвратился, чтоб принять на себя командование левым берегом, которое давали ему прежние декреты. Когда он послал приказание в Пантеон, ему ответили, что там командовал Лиссонн. Врублевский, несколько не обескураженный этим, начал укреплять район, который остался в его власти»¹. Он поставил на Бютт-о-Кейль — господствующей позиции между Пантеоном и фортами — батарею из 8 орудий и 2 батареи из 4 орудий, укрепил Итальянский бульвар, бульвары де Л'Опиталь и де ла Гар, расположил свой штаб в мэрии де Гобелен и свой резерв на Итальянской площади, площади Жанны д'Арк и в Берси.

К вечеру 24 мая оборона велась с успехом только на Бютт-о-Кейль. 50 пушек и митральез версальцев были всё время направлены на Бютт-о-Кейль. Федераты Врублевского упорно отстаивали эту позицию. Кроме 175-го и 176-го батальонов, под командой Врублевского здесь сражался легендарный 101-й батальон, который с 3 апреля ни разу не сменялся и не отдыхал. День и ночь не остывали его ружья; он то находился в траншеях, то в деревнях, то в открытом поле. Этот батальон десять раз обращал в бегство версальцев в Аньере и Нейи. Он захватил у них три пушки. Вот они, говорит Лиссагарэ, «дети XIII-го округа и квартала Муффетар, недисциплинированные, не поддающиеся дисциплине, дикие, суровые, с изорванными платьями и знамёнами...»². На Бютт-о-Кейль федераты Врублевского несколько раз переходили в наступление. В ночь на 24-е версальцы подошли вплотную к позициям коммунаров. С рассветом 24-го они бросились на приступ. Федераты, не дожидаясь нападения, сами выбежали им навстречу. Четыре атаки версальцев были отбиты; 4 раза версальцы вынуждены были отступать.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 274.

² Там же, стр. 290.

В конце концов Бютт-о-Кейль, а также Ла Виллетт, две крайние позиции, пали под градом ядер. У коммунаров остались теперь только XI, XII, XIX и XX округа и часть III, V и XIII округов.

Дальнейшее наступление версальцев развёртывалось вдоль берега Сены. Чтобы обеспечить себе сообщение с Сеной, Врублевский расставил батареи на Аустерлицком мосту и площади Жанны д'Арк. Отсюда он обстреливал наступающих версальцев. Врублевский надеялся, что южные форты будут ещё прикрывать его левое крыло. Однако форт Монруж был накануне покинут гарнизоном. Член Коммуны Лео Мелье отправился в другой южный форт Парижа, Бисетр, пытаясь воодушевить его защитников,— но безуспешно. Гарнизон, заклепав свои пушки, ушёл в Париж. Версальцы заняли оба форта. Несмотря на полученный утром приказ — отступить в XI округ, Врублевский приказал лишь перенести центр сопротивления несколько назад, на площадь Жанны д'Арк.

Там, на площади Жанны д'Арк, весь день 25 мая несколько тысяч коммунаров под начальством Врублевского стойко и мужественно оказывали упорное сопротивление врагу, в течение 36 часов успешно отбивая атаки целого армейского корпуса и даже переходя в наступление!

И только тогда, когда версальцы проникли на бульвар Сен-Марсель, Врублевский, почти окружённый, вынужден был согласиться на отступление. 25 мая под защитой батареи моста Аустерлиц Врублевский с пушками и с тысячью человек в полном порядке перешёл Сену. Версальцы не осмелились напасть на отступающего Врублевского, хотя в их руках была часть бульвара Сен-Марсель, Орлеанский вокзал и канонерки на Сене. Теперь весь левый берег оказался во власти неприятеля!..

В тот же день, после несостоявшейся попытки переговоров с прусским командованием, Делеклюз предложил отступившему Врублевскому главное командование. «Есть ли у вас несколько тысяч решительных людей?», — спросил Врублевский. — «Самое большее у нас несколько сот», — ответил делегат. Врублевский не мог принять на себя ответственность при таких неравных условиях и продолжал борьбу как простой солдат.

В последнюю минуту Врублевский с несколькими товарищами по баррикаде проник в помещение одного

портъё на окраине Парижа, близ Шато д'О, и, успев переодеться, спасся.

Рассказывают, что после взятия Парижа версальцами он хладнокровно посещал одно кафе, где встречался с поляками. Однажды его там нашёл Владислав Мицкевич¹ и, подойдя к нему, стал умолять его скорее уехать в Лондон. Но Врублевский на это заметил: «Кажется, там скверный климат. А здесь, в Париже, мне очень хорошо. Меня окружают честные рабочие, оберегают меня, приглашают на обеды, где так сердечно пьют за моё здоровье»².

Действительно, парижский народ любил и ценил Врублевского. Всем парижанам было известно, что при Коммуне он отказался от генеральского жалования и взял только коня; что он не пожелал поселиться в предоставленном ему Елисейском дворце и ответил, что «место генерала — только среди солдат».

Наконец, после долгих уговоров Врублевский согласился уехать в Англию. Генерал Владислав Замойский, которому Врублевский при Коммуне спас жизнь, с трудом достал ему прусский паспорт. В Калэ полицейские комиссары долго сличали паспорта едущих в Лондон с многочисленными фотографиями коммунаров, но Врублевский остался неузнанным и благополучно уехал в Лондон. Реакционный суд Франции заочно приговорил Врублевского к смертной казни.

К этому времени в Лондоне собралось уже много коммунаров, бежавших из Парижа; в том числе было много поляков, главным образом офицеров польской Народной армии, например, генерал Розвадовский, полковник Теофиль Домбровский, брат Ярослава, и другие.

В Лондоне Врублевский сблизился с членами Генсовета I Интернационала и принимал активное участие в Лондонской конференции (1871 г.) в качестве секретаря-корреспондента для Польши.

В эти годы, проведённые в Лондоне, Врублевский часто бывал в семье К. Маркса, где к нему относились с большим уважением. Жена Маркса отзывалась о нём, как о «гениальной голове и честном человеке».

Врублевский принимал активное участие в работе Гаагского конгресса I Интернационала, состоявшегося

¹ *Мицкевич, Владислав* (1838—1926) — сын поэта Адама Мицкевича, публицист и историк.

² *M. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 31.*

2—7 сентября 1872 г. Гаагским конгрессом завершилась борьба с бакунизмом в I Интернационале. Большинство конгресса решительно высказалось за исключение руководителей этого течения из Интернационала. Врублевский в числе прочих также голосовал за исключение Михаила Бакунина, как основателя анархистского Альянса, Гильома и Швицгебеля, как членов Альянса. Врублевский вместе с Марксом, Энгельсом, Дюпоном и другими требовали переизбрания Генерального совета и перевода его в Нью-Йорк «как в единственное, кроме Лондона, место, где были бы обеспечены два основных условия: уверенность в сохранности архивов и международный характер состава Совета»¹.

На том же конгрессе «Союз польского народа» (в лице своего представителя Врублевского) выразил протест против соглашательской политики австрийского министра по делам Галиции Флориана Земялковского и особенно против предстоящего приезда Александра II в Лондон.

7 февраля 1876 г. на одном из собраний членов Интернационала в Лондоне Врублевский выступил с клятвенным заверением, что, покуда будут живы поляки, великое рабочее движение будет иметь в их лице защитников; словом и делом они докажут, что их место там, где идёт борьба за интересы пролетариата².

Энгельс перевёл речь Врублевского с французского на немецкий язык, а затем в своей речи горячо отозвался о нём, как о революционере и борце за Парижскую Коммуну³.

В 1877 г. Врублевский уехал из Лондона, где он жил в сильной нужде, в Женеву. Здесь он встретился с группой русских революционеров-народников, с некоторыми из них он сблизился, особенно с Петром Лавровым, редактором журнала «Вперёд», и с членами редакции «Набат» — народниками Каспаром Михаилом Турским и Петром Ткачёвым.

Врублевский принял участие в их конспиративной деятельности. В том же 1877 г. Врублевский, переселённый русским офицером, по заданию народнической организации уехал в Россию.

Вскоре он снова вернулся в Женеву.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 513.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 675.

³ См. там же.

После окончания русско-турецкой войны много польской молодёжи, преследуемой русской полицией, искало убежища в Женеве. Врублевский, старый революционер, сердечно принимал молодых товарищей, заботился о них, воодушевлял их. Его дом был их убежищем. Дела его временно поправились: мать прислала ему деньги, полученные от продажи её имения. Он щедро помогал молодым товарищам, не отказывая им ни в чём, «чтобы ничего не досталось буржуям»¹, — шутил он.

После 1878 г. Врублевский отходит от политической деятельности. В том же году его избирают членом Женевского народного института по секции моральных и политических наук. Врублевский был очень доволен этим избранием: «Это наилучшая для меня реабилитация, — писал он, — после всех инсинуаций, которыми пытались меня очернить польско-французские иезуиты»².

В 1885 г. в связи с амнистией участников Коммуны, объявленной правительством Третьей республики, Врублевский вернулся во Францию. Постоянное местожительство Врублевского было в Ницце, где в то время находилось много русских и польских эмигрантов; время от времени он посещал Париж. Там он жил у Виктора Гюго, которого хорошо знал со времён Коммуны.

Врублевский пользовался в Париже всеобщим уважением. Он участвовал в многочисленных комитетах и различных торжественных юбилеях. В частности, в 1890 г. он участвовал в комитете по перенесению праха Мицкевича в Краков. Однажды, будучи в Париже, Врублевский был приглашён мэром Парижа на торжественный банкет мэров Франции, устроенный во Дворце промышленности. Но Врублевский отказался принять приглашение. Его возмущало пресмыкательство парижского муниципалитета перед властями царской России.

Последние десятилетия своей жизни Врублевский испытывал большие материальные трудности. Уже в 1885 г. он остался в Ницце без гроша в кармане. «Никогда в жизни, — писал он другу, — я не оказывался в подобном положении. Если бы не благородное поведение Болеслава (Лимановского), то я бы, попросту говоря, издох от голоду. Не знаю, как выбраться из этого ада. Я ещё в постели и опять без гроша. Болезнь и доктор

¹ M. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 44.

² Ibid, str. 45.

отняли у меня всё. В пятницу истекает ещё неделя пребывания в гостинице... Надо платить, надо платить или меня, больного, вышвырнут на улицу!.. Необходимо обязательно выехать отсюда, проехать через Париж... и вернуться к Вам, так как пора начать работу в нашей стране»¹.

Даже в самые тяжёлые моменты своей жизни Врублевский всегда думал о борьбе за освобождение Польши. В этой деятельности он черпал силы. Но пришла старость, зарабатывать на жизнь становилось всё труднее, средств к существованию уже совершенно не было. С негодованием писал Энгельс Эдуарду Вайяну в Париж (5 марта 1895 г.): «Люди с трудом поверят, что хотя бывшие участники и преемники Коммуны и представлены в палате 45 депутатами, столь сильная партия все же не достаточно сильна, чтобы избавить от самой крайней нищеты своего старого генерала... Я высчитал, что имеющиеся примерно 45 социалистических депутатов в совокупности получают от государства около 400 000 франков в год и что было бы, пожалуй, вполне возможно из этой суммы предоставить единственному оставшемуся в живых генералу Коммуны ежегодную ренту, скажем, в 1200 франков... в данном случае, мне кажется, дело идет о чести всей революционной Франции... И, право, я продолжаю надеяться, что способ дать ему возможность кое-как просуществовать, не прибегая к унижительной публичной подписке, все же найдется»².

Врублевскому удавалось получать кое-какую работу у Анри Рошфора, которому он в своё время помогал в изгнании. Вернувшись в Париж после побега из Новой Каледонии, Рошфор издавал сначала «La Lanterne», потом «L'Intransigeant» («Непримиримый»). Работал Врублевский в качестве контролёра розничной продажи газет, получая 5 франков в день. Как и прежде, он жил в самой убогой гостинице. Ему старались помочь члены Заграничного союза польских социалистов.

В 1900 г. Врублевский тяжело заболел. Доктор Генрих Гершинский, польский эмигрант 1863 г., предложил Врублевскому поселиться у него в доме — в Уарвилле (департамент Эры-и-Луары). Там Врублевский провёл восемь спокойных лет, продолжая живо интересоваться всеми событиями, касающимися Польши.

За это время многое в Польше изменилось. Начался

¹ М. Złotoryzka, Walery Wróblewski, str. 46.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 390.

подъём рабочего движения. Возникли первые социалистические организации. В 1893 г. образовалась Польская социалистическая партия (ППС). Между буржуазно-националистическим течением ППС и интернационалистским, пролетарским течением завязалась ожесточённая борьба, в результате которой интернационалистские элементы выделились в самостоятельную партию, принявшую название «социал-демократия Королевства Польского» (СДКП). В дальнейшем интернационалистские элементы польской и литовской социал-демократии объединились в СДКПиЛ (Социал-демократию Королевства Польского и Литвы). В годы русско-японской войны эта партия выдвинула ленинские лозунги: «Долой войну! Долой самодержавие!». Происшедшие в ряде промышленных городов Польши в декабре 1904 г. вооружённые столкновения между польскими рабочими и царскими войсками явились первым откликом на забастовку бакинских пролетариев, послужившую сигналом к революционным выступлениям по всей России. Уже на следующий день после «Кровавого воскресенья» в Петербурге (9 января 1905 г.) СДКПиЛ призвала польский рабочий класс к всеобщей политической забастовке. Особенно острый характер приняла борьба лодзинских рабочих. Городские улицы были покрыты десятками баррикад; в течение трёх дней (22—24 июня 1905 г.) рабочие вели уличную борьбу с царскими войсками. Ленин называл лодзинские бои «первым вооружённым выступлением рабочих в России». Он восхищался подвигами «геройского пролетариата героической Польши...»¹. Особенным упорством и организованностью отмечалась забастовка в Домбровском бассейне, которой руководил Ф. Э. Дзержинский. События революции выявили перед широкими массами польских пролетариев общность их интересов с интересами русского революционного пролетариата.

Внимательно следил старый революционер Врублевский за развитием революционных событий 1905—1907 гг. в Польше. Когда в июле 1907 г. польский публицист Болеслав Лимановский навестил Врублевского и рассказал ему о революционном движении 1905—1907 гг., тот возмутился:

— Чёрт возьми! Если уже драться, так надо было устроить восстание, как следует!

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 506.

— Терпение, генерал! — ответил Лимановский: —
Дойдёт и до этого! ¹

Но не дождался Врублевский желанного освобождения родной Польши. Он умер в Уарвилле 5 августа 1908 г.

Похороны Врублевского превратились в бурную манифестацию. 19 августа от Орлеанского дворца двинулась процессия. Тело везли через весь Париж, чтобы похоронить его на кладбище Пер-Лашез, где был погребён в 1871 г. Ярослав Домбровский. Из разных мест приехали ветераны польских восстаний, скитальцы, обитавшие в далёких странах, поседевшие товарищи, участники баррикадных боёв. На похороны собралось около 30 тысяч французских рабочих.

За гробом, покрытым красным знаменем, шла группа близких людей, за ними шествовали бывшие коммунары, двигались толпы рабочих. Шли французы, нёсшие плакат со словами «La parti sociale ouvrière» («Рабочая социальная партия»), шли русские революционеры с алым венком, представители польской революционной социал-демократии и многие другие.

Шествие миновало Аустерлицкую площадь, где в дни Коммуны особенно упорно сражался Врублевский. На площади Бастилии громко звучал «Интернационал». На кладбище Пер-Лашез была воздвигнута трибуна. От имени бывших коммунаров выступал с речью Мартлэ, от имени ветеранов 1863 г. доктор Гершинский; затем выступили итальянец Малетто от имени итальянских социалистов и Александрович от имени Польской социалистической партии, Лядов — от русских социал-демократов и ряд других.

Покрытый красным знаменем гроб был отнесён к исторической стене, у которой в 1871 г. версальские палачи расстреляли тысячи коммунаров ². Под этой стеной покоится прах Валерия Врублевского, верно и неизменно служившего идее социализма и международной солидарности.

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 47.

² Ibid., str. 48.